

УДК 316.75:115

Огаренко Е. С.

к. филос. н., доц.,

кафедра политологии Института социальных наук

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

кв. 1, Лавочная ул., 1, г. Одесса 65006, Украина

тел. : 098-510-46-26,

ogarencko.eu@gmail.com

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» В ГЕНЕЗИСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ¹

В статье предлагается логическая реконструкция генезиса политической идеологии: 1) десинкретизация первобытного мышления и автономизация мифа от ритуала; 2) телеологический поворот мышления в ходе «осевой революции»; 3) сакрализация «будущего» в христианстве; 4) легитимация личного интереса протестантизмом. Утверждается, что момент, когда сакрально понятый интерес ассимилируется политической практикой как основание легитимации политических целей, и является моментом рождения политической идеологии. Проводится мысль, что маркировкой постмодерного ментального поворота является редукция концепта «прошлое — настоящее — будущее» к концепту «настоящее».

Ключевые слова: десинкретизация, телеологический поворот, сакрализация «будущего», легитимация интереса, альянс «власть — техника — коммуникация».

«Деидеологизацию» современной политики можно рассматривать скорее как симптом кризиса не политики, а традиционного понимания политики.

Современный политический класс в качестве инструмента использует различные идеологические конструкции, которые по видимости не являются политизированными, но по сути вполне успешно решают задачи политического управления общественным сознанием.

В современном научном дискурсе происходит возвращение к широкому контексту употребления понятий «идеология», «идеологема». В первую очередь это касается семиотической интерпретация идеологии У. Эко, Р. Бартом, Ю. Кристевой.

У. Эко понимает под идеологией «... всё то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы...» [1, с. 137].

Ю. Кристева пишет: «Понимание текста как идеологема лежит в самой основе такого типа семиотического анализа, при котором текст рассматривается как интертекстуальность и тем самым мыслится в рамках (в тексте) общества и истории» [2, с. 137].

¹ Статья была подготовлена для міжнародної наукової конференції «Соціальні та політичні трансформації у Центральній та Східній Європі (1917–2017 рр.): чинники, досягнення, проблеми» (28–29 червня 2017 року, ОНУ імені І. І. Мечникова, Одеса, Україна).

В контексте сказанного представляється актуальним рассмотреть генезис и метаморфозы политической идеологии, связанные с различными социокультурными эпохами, в рамках которых политика реализовывала свои регулирующие функции.

Среди множества точек зрения на сущность политической идеологии выделим лишь некоторые, акцентируя при этом, что красной нитью через всю историю изучения проблемы проходит дихотомия ложности — истинности идеологического сознания.

Напомним, что французский термин «идеология» впервые предложил философ-сенсуалист де Трасси, как науку об истинном источнике происхождения идей, в ответ на что Наполеон впервые употребил термин «идеолог» в уничижительном смысле как синоним болтуна, туманного метафизика, мешающего чётким действиям политической власти.

К. Мангейм идеологию как рационализацию интересов господствующего класса противопоставлял утопии как выражению надежд угнетённых классов.

Л. Альтюссёр определял идеологию как единство реального и воображаемого отношения человека к условиям своего существования.

В концепции социального бессознательного Ж. Лакана политическая идеология определяется как «господствующее означающее».

С. Жижек, продолживший лакановский дискурс бессознательного, так характеризует идеологию: «Это не призрачная иллюзия, возводимая нами для укрытия от невыносимой действительности, это по самой своей сути фантазматическая конструкция, служащая опорой для нашей «действительности», «иллюзия», структурирующая наши конкретные, реальные общественные отношения и, кроме того, маскирующая невыносимую, реальную, непостижимую сущность...» [3, с. 52].

Наша задача в том, чтобы в контексте широкого понимания идеологии и с учётом значения в ней социального бессознательного рассмотреть: 1) конструктивность влияния социального времени на зарождение и конституирование политической идеологии; 2) хронотопический аспект политического управления общественным сознанием в условиях ментальных трансформаций в эпоху постмодерна.

Когда речь идёт о политической идеологии, мы подразумеваем не просто распространение идей и поиск единомышленников, а борьбу за власть, поскольку «политика — это производство власти» (А. С. Панарин).

Власть мы определяем как приоритетное устойчивое влияние одних социальных агентов на других, которое опирается на превосходство в ресурсах.

Политическая власть, кроме того, является направленным влиянием и опирается на монопольное право государства на концентрацию и мобилизацию социально значимых ресурсов.

При этом влияние на умы, идейная гегемония рассматриваются вне контекста ресурсов, которые отождествляются с вещественной, утилитарной, нормативной составляющей политики.

На наш взгляд, именно благодаря властному использованию символического ресурса, в том числе идеологии, политика и существует как способ

достижения согласия с политическим порядком, который производит и воспроизводит социальное неравенство.

То есть, на наш взгляд, политический класс, призванный управлять социальным неравенством, одновременно заинтересован в его сохранении, поскольку сам со своими привилегиями является частью такого порядка.

А идеология обеспечивает видимость справедливости этого порядка, создавая базу легитимации политической власти.

Именно баланс силы и согласия маркирует специфику политического управления, а само политическое зарождается в недрах раннегосударственного управления порядком как нарастание идеологической, символической составляющей управления.

По утверждению В. М. Розина, идея пирамид принадлежит древнеегипетским жрецам, которые посредством пирамиды придали сакрально-символический смысл власти, сформировали культ правителя как богоравного существа [4, с. 130–132].

Обозначим логическую последовательность нашей реконструкции генезиса политической идеологии: 1) десинкретизация первобытного мышления и автономизация мифа от ритуала; 2) телеологический поворот мышления в ходе «осевой революции»; 3) сакрализация «будущего» в христианстве и 4) легитимация личного интереса протестантизмом.

Ж. Бодрийяр заметил, что «дикари» умели актуализировать в своих обрядах амбивалентное отношение к богам и «...возможно даже, что они молились им только с целью предать их смерти» [5, с. 347].

Миф разъединяет поклонение и убийство, а само поддержание порядка не требует постоянного его воспроизводства в виде ритуализированных коллективных действий, а требует подчинения логике и символам, его олицетворяющим.

То есть исходной для появления мифологии как «технологии обработки человеком человека» была, на наш взгляд, десинкретизация культуры, то есть разложения первобытного ритуально-магического синкретизма.

Синкретизм — это не просто нерасчленённость верований и обрядности, искусства и ритуала, но — нерасчленённость мышления и действия, одушевлённого и неодушевлённого.

Дифференциация мышления и действия и появление собственно духовного производства в виде мифологии предопределили появление особого вида деятельности — «обработка людей людьми», в рамках которой и происходило зарождение политики.

Заметим, что описываемый процесс ментальной эволюции находится, на наш взгляд, в связи с развитием коммуникативных возможностей человека, обусловленных предшествующей эволюцией функций человеческого языка.

По Э. Сепиру, язык, кроме «референциальной» («обозначательной») функции, несёт и функцию «конденсационную» — как «чрезвычайно сжатую форму заместительного поведения... которая позволяет снять эмоциональное напряжение» [6, с. 205].

Ритуал был тесно связан с замещающей функцией языка, то есть реализующей функцию разрядки психического напряжения, вызванного си-

стемой социальных запретов, регулирующих поведение в рамках родоплеменной общины.

Развитие номинативной (называющей, описывающей) функции языка «разъединяет» язык и действие, а речевая активность сама по себе становится аналогом действия, соединяющего самоторможение и самоосвобождение.

Факт, что древнейшие очаги речевой деятельности возникали в моторной, а не в сенсорной области коры мозга, Б. Ф. Поршнев считал подтверждением того, что «...вторая сигнальная система родилась как система принуждений между индивидами: чего не делать; что делать» [7, с. 422].

Таковы, на наш взгляд, возможные эволюционные предпосылки превращения мифологии в форму «господствующего означающего» и монополизации этого означающего раннегосударственными структурами.

К. Леви-Стросс заметил, что миф — это «машина для уничтожения времени». Интерпретируя эту мысль, отметив, что мифологическая вертикаль «верх — низ» была связана с зависимостью базовых элементов уклада жизни от солнца и земли и с оформившейся иерархической пирамидой власти, символизирующей «вечный порядок».

Сакрализованный пространственный порядок противопоставлен «профанному» времени как разрушительному, тлетворному.

«Профанное» время находится за рамками мифологии, ему отдано пространство частной жизни, сюжеты из которой не являются предметом культовых текстов, они находятся на периферии мифологической организации порядка.

После «осевой революции» (К. Ясперс) космический принцип организации ментальности по типу «земля — небо» вытесняется рационально-этическим принципом организации по типу «имеющееся — должное», в котором ещё нет «будущего» как времени, но есть будущее как цель, как проект.

«Диа-логика» как искусство живого диалога у Сократа трансформировалась в литературно-философский жанр у Платона, ещё несвободный от мифопоэтической образности, а позднее в собственно «Логику» Аристотеля и в его метафизическую телеологию.

Само понятийное мышление — это драматический сюжет конфликта понятий, который можно представить только последовательно, поэтапно, дискретно.

То есть в широком смысле опыт рационализации, пережитый в «осевое время», касается не только логико-понятийной формы его проявления, но и смещения самого способа мышления: от пространственно-иерархического к пространственно-поступательному.

С морально-телеологической точки зрения время также имеет статус случайного, преходящего, поэтому возникновение «хронотопической» точки зрения на будущее нуждалось в ещё одном ментальном сдвиге.

«Христос однажды умер за грехи наши», сказал А. Августин, снимая тем самым проблему цикличности времени и придавая ему телеологический смысл, поскольку «история подобна стреле, а не собаке, кусающей собственный хвост».

Сакрализация «будущего» как времени «второго пришествия» придаёт длительности линейно-исторический характер.

Протестантская интерпретация богоизбранности как «успешности в делах» способствует привязке поведения к результативности в настоящем как своего рода дискурсивный мостик между «профанным» настоящим и сакрализованным будущим.

Таким способом личный интерес как мотив поведения, мотив собственника как владельца собственного «я» (Дж. Локк) получает сакральную санкцию на существование.

Формирующийся в период становления буржуазных наций «дух национализма» не исключает идеи христианского «мессианства», «богоизбранности» как способа духовной легитимации национально-государственных интересов.

Момент, когда сакрально понятый интерес ассимилируется политической практикой и используется как основание легитимации политических целей («светлого будущего»), и является моментом рождения собственно политической идеологии.

Параллельно с религиозной сакрализацией будущего и политической ассимиляцией, легитимацией интереса в европейском общественном сознании шёл процесс сциентизации мышления.

«Сакрализация» будущего, только освобождённая от религиозной оболочки, вполне соответствует просвещенческой идеологии прогресса, которая формировалась на фоне форсированного развития европейской науки.

«Утопия» Т. Мора как модель рационально обустроенного «будущего» под видом реально существующего острова Утопия предполагает решающую роль науки как «производительной силы» нового общества.

Прогрессистский дискурс критикует прошлое как отсталость, пережиток, а будущее рассматривает уже не как место, а как процесс непрерывного изменения настоящего. Прогресс осуществляется в горизонтальной плоскости, но искомое состояние всегда за линией горизонта.

Настоящее несовершенно, но переносимо настолько, насколько вдохновлено будущим. (Вспомним «четвёртый сон» Веры Павловны из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: «Будущее светло и прекрасно, любите его, стремитесь к нему, приближайте его...»)

Научная рационализация мышления постепенно девальвирует христианство до степени, которая позволила Ф. Ницше провозгласить: «Бог мёртв».

Модернизированный «хронос» прогресса вытесняет «топос» «Града божьего».

Идея «светлого будущего» создаёт поле сопряжения сциентизированного и мифологизированного дискурсов.

Но это поле сопряжения является одновременно и полем взаимоотталкивания, конкуренции дискурсов, в основе одного из которых лежит вера в научную истину, а в основе второго — вера в божественное откровение.

Политическая идеология находится между ними, а потому атакуется с обеих сторон. Со стороны просвещения идеология критикуется как «ложное сознание», а со стороны религии — как «партикулярное сознание».

Попытки преодолеть «ложность» идеологического сознания, например, теорией «научного социализма» К. Маркса или «социологией знания» К. Мангейма были обречены, так как идеология априорно не может быть ни научной, ни общечеловеческой.

Момент, когда «апокалиптические ожидания модерна не сбылись», «конец света наступил, но его никто не заметил» (Н. Бердяев), можно считать началом постмодерного скептицизма и «началом конца» политической идеологии.

По мере освобождения от научного рационализма и религиозного профетизма наука технологизируется, а политика «деидеологизируется».

Формируется альянс «власть — техника — коммуникация», который становится инструментом производства символов-симулякров (имиджа, пиара, рекламы), среди которых идеология становится одним из симулякров политической стратегии.

Маркировкой такого ментального поворота является редукция концепта «время» к концепту «настоящее». Идеологизированный концепт «прошлое — настоящее — будущее», как «чёрной дырой», втягивается якобы деидеологизированным «настоящим».

Триумф «настоящего» разрушает политизированный просвещенческий дискурс, на котором базировался сциентизированный миф прогресса.

Претензия гегелевской «Науки логики» на панлогизм оказалась последней в преддверии европейского иррационализма, а появившаяся полтора столетия спустя «Логика смысла» Ж. Делёза констатировала рождение постмодерной ментальности, одной из особенностей которой является установка на «отмену будущего», поскольку «за занавесом нет ничего, на что стоило бы посмотреть» [8, с. 26].

Современное государство гибко использует в качестве инструмента управления общественным сознанием различные идеологемы, среди которых и «права человека», и «мультикультурализм», и «гедонизм».

М. Фуко рассматривал западную демократию как эффективный механизм управления дискурсом «нормализации» поведения с помощью социальных наук и «пенитенциарных» институтов, к числу которых относятся не только тюрьма, но и психиатрическая клиника, армия, школа, фабрика.

С. Жижек определяет доминирующую сегодня западную идеологию как «гедонистический цинизм».

Н. Хомский, ссылаясь на книгу А. Кэри «Демократия без риска», считает, что рост корпоративной пропаганды, с целью подрыва устоев демократии, наряду с широким распространением избирательного права и ростом корпораций относится к трём основным политическим феноменам, имевшим место в XX веке [9, с. 33].

А большевизм и фашизм как идеологизированно жёсткие формы корпоративного государства автор считает родственными демократизированному корпоративному варианту американского государства.

Хочется, однако, акцентировать другой момент. Любая идеология — это ещё и «идео-логика» («мифо-логика», «тео-логика» и т. д.).

То есть при распространении, например, просветительской идеологии, я не просто отстаиваю идею широкого распространения знания, а связываю её логическим связями с идеей пользы знания и вреда суеверий, с идеей значения научных открытий, с идеей всеобщего образования и т. д.

В постмодерном дискурсе, на наш взгляд, происходит не столько «де-идеологизация» сознания, сколько его «де-логизация»

Интертекстуальность, деконструкция текста, дискурсивный плюрализм постмодерного дискурса стали востребованными именно вследствие кризиса «Логоса» как «несущей конструкции» общественного сознания.

По С. С. Аверинцеву, «мы живём в эпоху, когда все слова сказаны».

Парфразировав автора, скажем: мы живём в эпоху, когда все слова сказаны, но ещё не придумали, как можно иначе приобщиться к смыслу.

В силу сказанного перспективу дальнейшего исследования мы видим в анализе социокультурных предпосылок и механизмов «возвращения к смыслу», в том числе с учётом постсоветских политических реалий в Украине.

Список использованных источников

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Симпозиум, 2004. — 544 с.
2. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 656 с.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. — М.: Художественный журнал, 1999. — 236 с.
4. Розин В. М. Введение в культурологию. — М.: ИНФРА-М, ФОРУМ, 2000. — 224 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 2002. — 656 с.
7. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. — М.: Мысль, 1974. — 487 с.
8. Делёз Ж. Логика смысла; Фуко М. *Theatrum philosophicum*. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. — 480 с.
9. Хомский Н. Классовая война. Интервью с Дэвидом Барзамяном — М.: Праксис, 2003. — 336 с.

Referencies

1. Jeko, Umberto. Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju. SPb.: Simpozium, 2004.
2. Kristeva, Julija. Izbrannye trudy: Razrushenie pojetiki. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2004.
3. Zhizhek, Slavoj. Vozvyshennyj ob»ekt ideologii. M.: Hudozhestvennyj zhurnal, 1999.
4. Rozin, Vadim. Vvedenie v kul'turologiju. M.: INFRA-M, FORUM, 2000.
5. Bodrijjar, Zhan. Simvolicheskij obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2000.
6. Sepir, Jedvard. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. M.: Progress, 2002.
7. Porshnev, Boris. O nachale chelovecheskoj istorii. M.: Mysl', 1974.
8. Deljoz, Zhil'. Logika smysla. Fuko, Mishel'. *Theatrum philosophicum*. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaja kniga, 1998.
9. Homskij, Noam. Klassovaja vojna. Interv'ju s Djevidom Barzamjanom. M.: Praksis, 2003. 5

Стаття надійшла в редакцію 22.07.2017.

Огаренко Є. С.

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
кв. 1, Лавочна вул., 1, м. Одеса, 65006, Україна

КОНЦЕПТ «ЧАС» У ГЕНЕЗИСІ ПОЛІТИЧНОЇ ІДЕОЛОГІЇ

Резюме

В статті пропонується логічна реконструкція генези політичної ідеології: 1) десинкретизація первісного мислення і автономізація міфу від ритуалу; 2) телеологічний поворот мислення в ході «осьової революції»; 3) сакралізація «майбутнього» у християнстві; 4) легітимація особистого інтересу протестантизмом. Стверджується, що момент, коли сакральний зрозумілий інтерес асимілюється політичною практикою як засада легітимації політичних цілей, і є моментом народження політичної ідеології. Доводиться думка, що маркуванням постмодерного ментального повороту є редукція концепту «минуле — сучасне — майбутнє» до концепту «сучасне».

Ключові слова: десинкретизація, телеологічний поворот, сакралізація «майбутнього», легітимація інтересу, альянс «влада — техніка — комунікація».

Ogarenko E. S.

Odessa I. I. Mechnikov National University
Ap.1, Lavochnaia str.1, Odessa-6, 65006, Ukraine

CONCEPT OF TIME IN THE GENESIS OF POLITICAL IDEOLOGY

Summary

The «deideologization» of modern politics can be regarded as a symptom of a crisis not of politics but rather of a traditional understanding of politics.

The modern political class uses various ideological constructions as an instrument, which apparently are not politicized, but in essence they quite successfully solve the tasks of political management of the public consciousness.

In modern scientific discourse, there is a return to the broad context of the use of the notion of «ideology», «ideologeme». Primarily, this concerns the semiotic interpretation of the ideology of U. Eco, R. Bart, J. Kristeva.

The dichotomy of falsity — the truth of ideological consciousness passes through the whole history of the study of the problem.

For example, S. Zizek, who continued the Lacanian discourse of the unconscious, characterizes ideology as a «social symptom», meaning fantasm, which, being in part non-knowledge, not only distorts reality, but also structures it.

The task of the article is to examine, in the context of a broad understanding of ideology and taking into account the significance of social unconsciousness in it: 1) the constructiveness of the influence of social time on the genesis and constitution of political ideology; 2) the chronotopical aspect of the political management of public consciousness under the conditions of mental transformations in the postmodern era.

The following logical reconstruction of the genesis of political ideology is proposed: 1) sampling of primitive thinking and autonomization of myth from ritual; 2) teleological turn of thinking during the «axial revolution»; 3) the sacralization of the «future» in Christianity and 4) the legitimization of personal interest by Protestantism.

It is argued that the moment when sacredly understood interest is assimilated by political practice and used as a basis for legitimizing political goals («bright future») is the moment of birth of the actual political ideology.

In parallel with the sacralization and political assimilation of interest, the process of scientizing thought took place. The «sacralization» of the future, only liberated from the religious shell, is consistent with the enlightened ideology of progress.

Scientific rationalization of thinking gradually devalues Christianity, and the modernized «chronos» of progress supersedes the «topos» of the «City of God.»

The idea is that the alliance «power-technology-communication» that was formed in the postmodern epoch designated a mental turn, the marking of which was the reduction of the «past — present — future» concept to the «present» concept.

In our opinion, in postmodern discourse, it is not so much a «deideologization» of consciousness as its «de-logization»

Intertextuality, the deconstruction of the text, the discursive pluralism of postmodern discourse became demanded precisely because of the crisis of the «Logos» as a «supporting structure» of social consciousness.

According to S. S. Averintsev, «we live in an era when all the words are spoken.»

Paraphrasing the author, let's say: we live in an era when all the words are spoken, but have not yet figured out how to join in the meaning.

Key words: desyncretization, teleological turn, sacralization of the «future», legitimation of interest, alliance «power — technology — communication».